

ОТЗЫВАЕТСЯ СЕРДЦЕ

Турсынбай ЖАНДАУЛЕТ, г. Алматы.

Прозаик, поэт, драматург, переводчик.

Пишет на русском и казахском языках, автор двенадцати книг.

* * *

Всемирного океана твёрдые берега,
Всемирный день открытых дверей.
На всех... единая общемировая душа!
Все мы... потомки голубых кровей.
Всемирный день кровавой вражды,
Всемирный день взаимного примирения,
Всемирный день Радости и Счастья!
А на мировом зеркале Земли – отражение.
По планете дует всемирный ветер,
На древних тропах всемирные караваны.
На плакатах Всемирный бодибилдинг-центр,
Куда собираются со всего мира великаны.
Тотальное безумие всемирных игрниц!
Всемирный день массового песнопения!
Всемирная молитва... всех святилиц,
Всемирный стыд... день грехопадения.
Всемирный день тотальной глупости,
Всемирный день потери всех мозгов,
Творец, сохрани от всемирной тупости,
Играй на флейте, Всемирный Крысолов!

* * *

Вселенная соткана всюду, везде
Из электромагнитных волн,
Вибрирующих на разной частоте.
Разнообразных таинств полон,
Весь многоликий мир
Состоит из разумных волн!
В идеально устроенном
Звёздном круговороте
Невольно любишься
Гармонией и красотой!
Электромагнитные волны –
Первооснова всей Вселенной!
Такой драгоценной и священной!
И в тысячелетиями горящей
Огромной звезде,
И в крови, в пульсирующем
Живом крохотном теле,
И в скошенном в поле сене –
Всюду, везде
Квантовый мир,
Состоящий из
Электромагнитных волн!

* * *

Смартфоном воспитанное поколение,
Патриоты над экраном сгорбленных плеч.
Разлапистое время в охапку собрав, молодежь
Мировым одаривают тотемом!
Попробуйте воспитать сие чудное племя –
Зуб сломать об орех проще!
Они взгромоздятся на скамейки, на площадях,
Их плечи достигают половины небес!
В их руках громадные гаджеты.
Даже не пытайтесь поговорить с ними:
На их уши надеты полноразмерные
«Apple AirPods Max» наушники.
В их устах не приветы, а невнятные ответы,
На ногах белые, огромные кроссовки,
Басы их доходят до каламбура,
Грохочет в их горле невысказанный гром!
На твои обидчивые претензии
Негромко буркнет: «Потом».
Ах, вы недовольны? Но это ваши проблемы.
Пожалуйста, не мешайте им жить!
Вы хотите их любить – значит, вы с приветом,
Никто вам этого не простит!

Куда катится мир, куда катимся мы
 С этим чёрствым, самодовольным поколением?!
 Кто виноват – смартфоны, высокие технологии?
 С этими дрянными технологиями
 Нам теперь до конца жизни жить!
 Полно, друг... зачем засорять эфир
 Безответными вопросами?!

* * *

В старинном городе, дождливом и пасмурном,
 В покосившемся доме в одиночестве дни проживал.
 О красном трамвае, грохочущем, бравурном,
 Писал красочные картины, легенды слагал!
 Был он долговязый, в задрипанной куртке,
 С пятнами от красок на рукавах и подоле.
 Вдруг в обшарпанном, грязном переулке,
 Как в летаргическом сне, застывал он надолго.
 Затем, установив свой мольберт деревянный,
 Рисовал чёрные, кривые, бесноватые дома,
 Шизоидное небо и людей странных, оловянных,
 Красноглазых монстров, выглядывающих из окна!
 Таков был его мир – перевёрнутый и нескладный,
 В его причудливом макрокосме всё жило по наитию.
 Вокруг простирался город, старый и ретроградный,
 Край обывателей, где все живут по холодному уму.
 Шёл человек по городу, молчаливый и отрешённый,
 За ним тоскливо брели чудные персонажи его картин.
 Уродливый мир многоцветьем красок оглушённый,
 Непонятный, невнятный язык – словно древняя латынь!
 Непризнанный и неизвестный, отошёл он в мир иной.
 Кажется, зря прожитая жизнь, с трудной судьбой.
 Но неспроста ему была отведена такая роль – прожить,
 Не может Земля своих безымянных гениев забыть!

Зайтуна КАДРАЛИ, г. Алматы.

Автор книг «Взгляд в неведомое», «Мазайка», «Кадры», «Ветер и время»,
 «В утреннем свете», романа «Тайна женщины».

В плену

Я с дьяволом жила, да, с сатаной,
 Исчадью ада я была женою.
 Цветы сажала я, он поливал их ядом,
 И ближний мир мне показался адом.
 Прошли тысячелетья в заточенье,
 И я его любила, без сомненья.
 В отчаянье брела в пустыне зла,
 Терпела муки, слёзы я лила.
 Но он смеялся над моей душой,
 Лишь жаждой власти упивался мой герой.
 Всё, что казалось светлым и прекрасным,
 Топтал со злобой дьявол ежечасно.
 От мира прятал он меня в пустыне,
 И я была чужда ему огньне.
 Но маски сорваны – я вырвалась из ада!
 И веет с моря мне в лицо прохлада...

* * *

Как странно порой отзывается сердце
 На встречу – влюбилась! –
 куда бы мне деться
 От глупых мечтаний, волнений и муки,
 От трепета крови и жизненной скуки.
 Загадочен он – и боится, и любит.
 И так далеко, что меня не погубит.
 Дни лета пылают такой красотой,
 И негой пропитан весь воздух земной,
 И горные травы пряны и хмельны,
 И некуда деться от жёлтой луны!

Цена поэзии

Отдам ли всё? – А совесть не чиста.
Я меркантильна и материальна.
Отдам ли жизнь за нежные слова,
За берег, где гуляет ветер дальний?
Наверно, нет. Не избирай меня,
Господь всемирный, пламенным поэтом.
Хочу мечтать у ближнего огня
И воздухом дышать, Тобой согретым...

* * *

Мир влюбчив, жаден, как и я сама.
Сияет негой голубое небо.
Предел Земли – ловушка для ума.
Живу и рада молоку и хлебу...
Всё так мгновенно – день и ночь, и путь,
Моря и города, леса и горы.
Дай дольше насладиться, дай вдохнуть
Всю прелесть мира и его просторы...

Клоны

Свино-люди, гады-зверо-птицы,
Людо-змеи, клоны-извращения!
Господи – да что ж это творится
Там, в лабораториях прельщения?

Иван ПОЛТОРАЦКИЙ

Родился в г. Алматы, окончил литературный мастер класс О. Марковой и В. Бадикова. Ведёт семинар поэзии в ОЛША, автор семи книг поэзии и прозы.

Лето

Слово – это источник энергии

если разломить эту колбочку
выделится ровно столько энергии
чтобы увидеть следующую строку

если два этих слова
коснутся друг друга
мы услышим
тихое потрескивание

(радиоперехват
разговоров молний
в июле)

у этого стихотворения
боковая сторона
почти что нетронута

лисички стоят у моря
по льду уже можно
пройти на остров

Там, внутри подземных помещений
Хромосомные наборы разбирают,
Скрещивают, гадают, удивляют,
Человека нагло выживают.

Это же бездушные хайуаны*,
Джинны, нефелимы** и уроды,
Обещаая человечеству нирвану,
Только для себя куют свободу.

Роботы нас побеждают, люди,
Твари-хищники, бездушные созданыя.
Если выйдут их творенья –
нас не будет,
Исключат нас из цепочки мироздания.

И пока вы смотрите в айфоны
И барахтаетесь в пене интернета,
Над землёю воцарится чёрт зелёный,
Так боритесь за себя и за планету!

---

* Хайуан – скотина, тварь по-татарски.
** Нефелимы – великаны, гибридные
существа, рождённые от богопротивного
союза сынов Божьих с земными
женщинами; нефелим буквально – «тот,
кто приводит к падению» (иврит).

* * *

Некоторые книги открываются
как глаза.
Жизнь заканчивается внезапно...
внезапной жизнью
в другом переплёте,
в чёрной коже без тела – жизнь.
Шелестишь страницами,
думая о перелёте
вдаль – за облачные стеллажи.
Это свойственно человеку –
верить в райскую библиотеку,
в Александрию ходить,
как в Мекку;
верить истово, верить чисто
в лавку старого букиниста.
Или просто – во избежание –
верить в собственное содержание,
знакомое, к сожалению,
только по одному оглавлению.
Некоторые книги никогда
не отводят взгляд,
веки у них воспаляются,
страницы у них болят.

А слово – та же самая стрекоза,
у слова – фасеточные глаза,
ухвати его за крыло – трепещет,
бьёт, потрескивая, по пальцам
сегментарным тугим хвостом.
Человек как бумага – плавится.
Комната вздрогнет и сбросит вещи.
Осенью книги желтеют листом.
Да, впрочем, дело не о том.
Просто книги пишут книги,
а люди делают людей;
и, если
люди пишут книги,
а книги делают людей,
в итоге
получаются не то чтобы книги
и не то чтобы люди.
Жизнь движется и не за...
Некоторые книги закрываются как
глаза.

Постоянство

А порт открыт.
И вот ко мне
приходят
и приходят корабли,
огромные, нагруженные светом.
Стоят в окне,
несут дары...
О аисты, о рыбы, журавли!
Мне всё больше с каждым летом
смотреть на вас,
смиряться и смотреть,

как режете, безбрежные, пространство;
сквозь лёд и дым,
сквозь нас и смерть
несёте имя,
соль и постоянство.
О равноденствие, о время, тишина!
О равнодействие судьбы и человека.
Душа сама собой предрешена,
и вот
нисходит невесомый некто
по трапам к солнцу выброшенных рук,
по кровным тропам, по песку июня...
И слышится гудящий низкий звук
пчелы, воскресшей от дождя и поцелуя.
А дети, притворившись ковылём,
шумят в эфире, в солнечной листве:
– Смотрите: человечек с кораблём,
с огромным кораблём
на голове!
Идёт, глаза закрытые, мечтает
и мачт заоблачных почти не замечает!

А порт открыт.
И в комнате, как в яблоке, светло.
Вокруг такие корабли и лица!
И всё, что было, ведало, вело,
не повторяется,
а длится...
/И девушки поют:
«мне повезло»/
не повторяется а длится
не повторяется а длится
не повторяется
а длится

Маквала ГОНАШВИЛИ, Грузия.

*Известная поэтесса, драматург, переводчик, автор шестнадцати книг,
лауреат республиканских и международных премий.*

В заколдованном круге

Люди размежевались по сотам
И устали тупо в экраны,
Затянуло их разум в болото,
Полусонно оно и туманно.
Чуть проснёмся – ломимся в палаты,
Там вельможи подбросят костей нам.
Были мы всемогущи когда-то,
Ныне рады и доле постельной.
И под дудку мы пляшем чужую,
В упоении, как скоморохи,
И на барских пирах мы блядуем,
Подбирая упавшие крохи.
Снова пир. Изнемоги от танцев,
К чёрту прямо в объятья лечу я –
То кормлю я хозяев – паяцев,

То заблудшего сына ищу я.
Я и дочь, я и мать. В мире брэнном
Я зову вас – и боль в этом крике.
Я – страница из книги Вселенной,
Только вырванная из книги.
Ни отчизны, ни рая другого
Не желаю, хоть в стенах – прореха.
С настоящим я прошлое снова
Склеить пробую, да без успеха.
Не оставь меня, Господи Боже,
Отврати от меня, сделай милость,
Этих высокомерных ничтожеств,
Что купили себе именитость.
Башня замкнута. Тьма – в целом свете,
Я на грани безумья, в испуге.
О, доколе терпеть пытки эти
И ходить в заколдованном круге?

Монолог Богоматери

Зачем меня, смеющуюся, кисть
Запечатлела в звонком майском полдне,
Вам невдомёк, что мы едва спаслись
От воинов, по милости Господней...
Вам невдомёк, как исстрадалась я
И, ужасом объятая, воочью
Узрела призрак Ирода-царя
В своём окне беззвёздной зимней ночью...

Был сон – блаженством,
Сын – в грядущем был,
Но я уже оплакивала чадо,
Ему Голгофу Бог-отец сулил,
И – веру, во спасенье душ от ада.
И всё сбылось, и крестный путь свершён,
Мне было б легче смерть принять с Тобою,
Народу – Божий Сын, Спаситель Он,
А матери – дитя её родное...

Я бремя всех грехов людских взяла
На рамена. Я с Ним распята вместе.
Мёрз ландыш в небесах и ждал тепла,
Слеза была ему благою вестью.
Луч освещает тропку. Тонок он,
И крест, и жертва –
Божий Сын распятый...
От плача моего деревьев стон –
Не от ветров, не от грозы раскатов.

И если время близится бедой,
Да будет вам в час горький, человеки,
Заступниками – Сын, страдалец мой,
И Бог-Отец, и Дух Святой – вовеки...

Серик КУЛЬМЕШКЕНОВ г. Миннеаполис, США.

*Художник-график, дипломант международных выставок в жанрах
карикатуры и экслибриса, поэт, автор книг «Птица рысь», «Височные часы»,
вышедших в США.*

Окно

Открыто окно в сиреневый сад.
На крыше солирует дождь.
Речек небесных по трубам каскад.
Озябшего города дрожь.
Где-то за тонкою тканью дождя
Чуть звякнет на рельсах трамвай.
Солнца не видно на небе с утра,
Лишь только сиреневый рай.
Губы дождя и сиреневый взор
Заполнили тихий покой.
Мир превратился во знак и узор
Под чьей-то пытливого рукой.
Этим гостям я с волнением рад.
Им укажу на диван я.

В ожидании весны

Зима – как епитимья. Каково
Вериги взваливать – пальто на плечи.
И думать я не думала, что встречу
Тебя таким уставшим от всего.
Теперь излишне спрашивать
сквозь плач –
Кто для кого? Зачем? Как всё случилось?
Пижонит март.
Сдаюсь ему на милость.
Пусть мартствует – актёршкa, трюкач!
Я примощусь теперь к чужой реке.
Я трепещу – лежит на сердце камень.
О, Врат Небесных в дальнем далеке
Душа моя коснётся ли крылами?
Витала в облаках, как лёгкий пар,
И бури меня мучили, и мели...
Очисти, очисти, забвения нектар,
Воспоминаний рубленные щели!
Не верю снам, с ветрами не борюсь,
Умнее стала, но зачем – не знаю.
Порой меня одолевает грусть,
Когда о нашем прошлом вспоминаю.

И дождь смывает все следы

Смешны твои уроки равнодушья,
Они всего лишь детская игра.
Не прячь глаза.
Вчера мне было скучно,
Я, милый, не права была вчера.
Сегодня, видишь, всё уже иное –
Как манит склон и как свежи ветра.
Ну, не сердись, побудь еще со мною...
А дождь – давай отложим до утра.

Томик открою, стану читать
Стих, потерявший название.
Что-то о мире, что странный во всём,
О людях счастливых земли,
Чьи души заполнены ярким огнём
Священной вселенской любви.
Дождь вскоре затих.
Отряхнувшись, сирень
Опять возвратилась в свой сад.
Солнце ласкает опять этот день,
И этому город так рад.
Томик с закладкой и улыцы гам.
Крыши трясут головами.
Но, кажется, что-то я потерял
Там, за оконною рамой.

Как Ваши восхитительны глаза

Как Ваши восхитительны глаза
Под нежным трепетом больших ресниц,
В которых уживаются гроза,
Покой и власть египетских цариц...

Как Ваши восхитительны глаза,
И, даже видя радость в них и грусть,
Я понимаю, что никак нельзя
Понять всю тайну Ваших чувств!

Как Ваши восхитительны глаза,
Когда под горестным молчаньем
На них вдруг появляется слеза –
Немой укор души отчаянья!..

Как Ваши восхитительны глаза,
Когда проходите по залу Вы,
Как будто виноградная лоза
На солнечных ладонях у весны!

Как Ваши восхитительны глаза,
Когда Вы переполнены огнем
И всех вокруг испепелить грозя,
Восходите на свой высокий трон!

И я сейчас, на этом вот балу,
По зеркалу паркетному скользя,
Вас приглашая к вальсу, говорю –
Как Ваши восхитительны глаза!

Шёлковая арабеска

Бусинки простых, привычных слов,
Выстраданных строчек ожерелье...
Примеряю к сердцу я любовь,
Пригубив тебя как чашу с зельем,
Созревало что немало лет
В кладовых глубоких подсознания,
Есть в котором воля и запрет,
Обретенье вместе с ожиданьем...
Пониманье истин и тупик,
Пресмыканье и восторг полёта!..
Немоты набат, неслышимый крик,
Пыльный ряд исписанных блокнотов...
Составные атомы твои,
ДНК, сулящее мне рею,
Арабеской шёлковой стихи
Всё плотней сжимают мою шею.

Слова

Слова пусты, как дом, где нет огня,
Людей, цветов, а в комнатах гуляет ветер,
И с ним его подруга тишина...
Нет хуже пустоты, где б не был ты на сеете.

Слова... грешны. За ними прячут ложь,
Неискренность любви
с предательским оттенком...
Они пронзают сердце словно нож
И долго держат боль
в своих объятьях клейких...

Слова мудры! В них истина веков,
Познания ключ и святость первородства...
Погиб бы мир без мудрых этих слов...
Я признаю их над собою превосходство.

Ода женским ногам

Сударыня, способность Ваших ног
Сгибаться без щелчка и скрипа,
Приводит в трепет и восторг
Мужчин всех возрастов и типов,

Способных оценить красу ноги
Что слева и прекрасней правой,
Хотя и правая прелестна, право, –
Коленной чашечки божественен изгиб,

Лодыжка чудным образом тонка
(Намного тоньше, чем бедра сеченье!),
А палец средний потрясает глаз, пока
Не видишь пятки розовой свеченье.

А голень левая достойна серенад
(Венка сонетов ради той хотя бы!),
Когда с другой ногой на пару променад
Вершит и меркнут от неё все яви.

Я знаю важность похвалы для слуха дамы,
Молчанье наказуемо в кратчайший срок.
И потому, сударыня, как слышите Вы сами,
Воспел я красоту прекрасных этих ног.

Николай СЛЕПЦОВ п. Агадырь, Карагандинская область.

Многолетний подписчик и автор журнала «Простор», всю жизнь посвятивший службе на железной дороге. Автор ряда книг, о которых сказал так: «Читаю эти строки – чем-то они дышат, / Дышат прошлой жизнью, а то и новизной. / Жизнь меня и нынче робко, но кольшет, / Неуж она промчалась памятью сквозной?..»

Лебединая верность

О лебединой верности знали еще в древности,
Знал то Аристотель, знал то и Плутарх,
У лебединой верности есть своя секретность,
О которой знает разве что Аллах.

Лебеди всегда бывают только в паре.
Они верны друг другу до последних дней.
Эта верность им любовь птичью дарит,
Они всю жизнь вместе остаются с ней.

А коль придет беда, и лебедиха гибнет,
Лебедь на свободе один не остается,
Он взмывает в небо, складывает крылья
И комком бескрылым к людской земле несется.

И комком бескрылым о землю ударяется,
Какая смерть безвинную безвинно принимает,
Верность лебединая любовью называется,
Какую человечество часто отвергает.

А нет бы человечеству верность лебединую
В своем сердце до конца дней своих нести,
Тогда бы сердца пели песни соловьиные,
И люди попытались бы всегда вдвоем идти.

Вот мы с моею женкою шесть десятков вместе,
Конечно же, нелегких, но счастливых лет.
Звали нас когда-то жених и невеста,
Она была учетчицей, а я – простой поэт.

Владимир КОРКУНОВ

Поэт, критик, кандидат филологических наук, редактор журнала РОЕТИСА. Автор нескольких сборников стихотворений.

Элегия пропущенных мест

Ю.К.

1
мы встретились между встреч –
на краю комедии в перерывах
чистой воды
[когда след из снега шёл за тобой
бледный прохожий
с ожогами фонарного света]

может ли снег быть вёдро?
осколком отразится зима?
она сбивает неверно-непокорных с пути
и снежки будто бы бьют в спины
растерянно толкая друг к другу

2
места по которым мы шли
друг за другом заросли
на месте старой школы пустырь
в зелёных венчиках борщевика

хранила ли ты бейджики
с нашими именами?
недавно я выбросил свои

у одиночества нет имени |
оно входит не по заказу –
лицо под которым маска
кричит о спасении

и когда на озере не было чаек
последняя взлетела
с заросшего ряской герба
крикнув в нас напоследок

[этот крик ещё живёт во мне
там где ты взьерошила мне волосы
на прощанье]

наши милые шалости
шампанское | прогулки
по ночному городу
поцелуи у всех на глазах –
с кем ты сошла если совсем
не поглупела? –
и люди стекаются к тебе
вырванные перья к телу
ощипанной птицы

3
в Москве бывает слишком холодно
даже когда хлещет дождь
кажется лёд выходит из темноты
окаменевшая Афродита в пене
для мытья машин

наши полутёмные кухни
провода общих ещё живых друзей
стремительно умирающих
с каждой новой
крово-красной лычкой календаря

мне кажется мы отошли
друг от друга так далеко
что даже сейчас когда ты сидишь
напротив

я прошу: сделай громче
ищу ручку твоего голоса
озираясь по сторонам

...в тот день мы забирали
твоего сына из детского сада
лил дождь | мы шли
по ночной Москве ты спешила
мир представлялся
бокалом шампанского
у горлышка которого
барахтаются два человека

лил дождь |
твой сын не узнавал меня
а я не узнавал его
только он сразу обращался на ты
и я видел какое гигантское
расстояние выросло в тебе
и идёт между нами

4
все полные дома похожи друг на друга
пустые комнаты опустели по-разному
где наши детские любимые книжки
нежные игрушки?

мы оторвались от наших
неспешных рек
влились в реку мегаполиса
как мне тебя разглядеть?
может ли рыба стать человеком
который её ловит
можем ли мы биться
в объятиях друг друга
обретая плоть
сбрасывая чешую разлуки

выходя вечером из подъезда
город кажется открытым и пустым –
спиленные временем рот и глаза
а небо – в созвездиях-маршрутах
каждое из которых ведёт
к дому другого

и сад там и море и последний
аккорд триптиха
завучавший внезапно минуя
годы глубокого обморока

15.05.2025
Алматы – Стамбул

Виктор РЕЙНГАРДТ

Металлург, писатель, поэт. Родился в селе Бухтарма Восточно-Казахстанской области, в семье спецпереселенцев. Автор сборников «Мы свечи», «Моё Прииртышье», «Как это было», публиковался в журналах «Кедр», «Алтай Изумрудный», «Простор».

Хитрый хан

1

Алтай широк, Алтай просторен:
долины, пастбища, ручьи.
В горах озёра, словно море
кристально чистой синевы.

Там жило племя из мужчин.
Его глава – в тревоге вечной.
На то – без видимых причин –
он люто ненавидел женщин.

Но жизнь порой брала своё,
и молодёжь, порой беспечно,
чтоб был свой дом, тепло, –
в девиц влюблялась бесконечно.

Хитёр был хан и изворотлив:
он вроде был совсем не против,
но есть условие одно –
его блюсти всем суждено.

В углу долины есть гора,
она высока и крута.
К её вершине есть тропинка.
Кто из джигитов без заминки

снесёт невесту на руках –
тот точно будет в женихах!
И да поможет им Аллах
во всяких свадебных делах!

А коль ступит дева наземь –
змеёю обернётся разом!
Вот на условиях таких
пусть постарается жених.

Хотели парни непременно
взойти с той ношей драгоценной,
горы вершину покорить,
себя и дев не посрамить.

Но силы таяли у цели –
невесты уползали в щели.
То сердце плохо гонит кровь –
видать, несильная любовь!

2

Он с детства жил при табунах,
не знал он горя, был он гордым.
Порою дикий жеребец
свал ему в ладони морду.

И краше не найти батыра,
хоть обойди все земли мира!
Взяла его в полон любовь –
и сладкий яд разлился в жилах.

И мир наполнился тоской
без этой девы молодой.
Путь к ней – опасен, непростой:
она за бурною рекой.

Но к хану надобно явиться
и объявить, что ты – жениться
задумал, семью завести,
невесту на гору снести.

И вот при всём честном народе
с невестой на гору он всходит.
Вершина рядом, нету силы...
И тут невесту осенило:

прикосновение губ горячих
им принесёт двоим удачу!
И, как подстёгнутый, джигит
к вершине радостно бежит!

Внизу свернулся хан кольцом,
став щитомордников отцом.
Отсюда появились твари,
заполонившие все дали!

